

ПРИСЛУШАЙТЕСЬ К МОЛЧАНИЮ МИМА

«Он самый неразговорчивый артист — слова из него не вытянешь на сцене», — шутят по поводу Анатолия Елизарова. А конференсье Сергей Дитятев с присущими ему находчивостью и непосредственностью так и доложил однажды зрителям, объявляя следующий номер программы: «Сейчас вы встретитесь с артистом, который в тридцати семи странах... молчал». Остроумно и, главное, очень точно — о профессии исполнителя-мима, о его известности.

Вообще-то он с четырнадцати лет «молчит». С той поры, как пришел в Ленинграде в самодеятельную студию «Мим», которой руководил Р. Славский; потом, в 17, — ансамбль Московского мюзик-холла, а с 1963 года, окончив Всероссийские творческие мастерские эстрадного искусства, А. Елизаров по-рыцарски самоотверженно, самозабвенно служит не пользующейся особой милостью и вниманием организаторов театрального дела музе — пантомиме, избрав к тому же самую трудную ее ветвь — классическую, амплу «чистого мима» (так выражаются на профессиональном языке). Искусство это древнее, имеющее давние традиции, но живое, современное, как убежден и доказывает своим творчеством А. Елизаров. По традиции — и его костюм, грим-маска, пластика. Внешний облик елизаровских героев — чуть нескладная, длинная фигура, белый балахон, наштукатуренное густым слоем мела лицо. Он — то смешной, то несчастный — заставляет вспоминать клоуна или балаганного шута, только печальная улыбка, полные тоски глаза изобличают в нем романтика. Иногда он смежит публику нелепыми действиями персонажа, иногда герой его вызывает сочувствие.

Если попытаться охарактеризовать его по черк, самым главным, пожалуй, надо назвать символику, аллегорию, ассоциативность. В сплаве фантазии и реальности, комедийного и драматического, остро плакатного и лирического вырисовываются портреты «героев» разных человеческих характеров, разных профессий, оказывающихся в неожиданных, но жизненно достоверных ситуациях. Подчеркиваю, жизненно достоверных, потому что избираемые автором Елизаровым, режиссером Елизаровым, артистом Елизаровым (все — в одном лице) сюжеты реальны, просты: продуман, отработан каждый жест, каждое движение, каждая поза. Совершенно неподвижным кажется лицо — застывшая маска, но и она оживает: как много говорят глаза, рот — то искривляющийся в плаксивой гримасе, то улыбающийся «до ушей», то открывающийся в удивлении, то сжатый в злобе, в негодовании.

«По выступлениям Елизарова можно преподавать отточенную технику искусства пантомимы. Его пластическая культура, как принято говорить, на уровне «мировых стандартов», — писал один из критиков. Блистательное дарование артиста высоко оценили на Втором международном фестивале пантомимы в Праге. Да и вообще, почитайте прессу об Анатолии Елизарове (увы, весьма немногочисленную), и вы легко убедитесь, что о нем пишут весьма и весьма лестно, горячо; что его признают одним из лучших современных представителей классической пантомимы. Каждый ли мог бы удостоиться таких слов, какие сказал рецензент газеты «Дейли Ньюс» во время гастролей артиста в Новой Зеландии: «Впечатление от потрясающей и изумительной игры Елизарова можно выразить только прилагательными в превосходной степени. Его творчество, имеющее класси-

ческие традиции, можно поставить на один уровень с творчеством Марселя Марсо».

Я давно знаю Анатолия Александровича, слежу за его творчеством, видела его много раз в концертных программах, приводила на «камерные» встречи с нашим редакционным коллективом, беседовала с ним; смотрела несколько фильмов с его участием (артист снимался в таких кинокартинах, как «Экипаж», «Берег», «Совсем пропащий», «Мнимый больной» и еще в каких-то, не припомню). Но мне никогда и в голову не приходило, что такой талантливый человек испытывает трудности, что может жаловаться «на неустроенность». Нет, это не капризы легко ранимой творческой личности, а вполне оправданная тревога человека, беспредельно преданного делу, которому он посвятил себя.

И вот мы снова беседуем.

— Как-то так получилось, что, сколько я занимаюсь своим любимым делом, столько борюсь — то с конкретными людьми, а чаще — с ветряными мельницами, уподобляясь рыцарю из Ламанчи. В период застоя мельницы крутились особенно рьяно и бороться было чрезвычайно сложно. Ветер глупости, некомпетентности все сильнее раскручивал крылья, перемалывая творческие судьбы. К примеру, один случай из собственной жизни: 1963 год. Ленинград. Я подал заявление в Ленконцерт с просьбой принять меня на работу солистом пантомимы. Представить себе мое удивление, когда весьма уважаемая дама, к которой поступило это «прошение», посмотрев на меня поверх очков, стала «весьма компетентно» доказывать, что такого жанра нет, что мими-

ческим искусством владеют многие артисты эстрады (свою «аксиому» она подтвердила очень авторитетным именем, но это не является основным и единственным их умением. «Одной пантомимы, чтобы выйти на сцену, очень мало, молодой человек», — резюмировала она. Что оставалось делать? Пришлось ехать в белокаменную столицу за правдой.

— И вы нашли эту правду!

— В какой-то мере нашел. Во всяком случае, спустя 20 лет в том же Ленинграде я вышел на сцену «с одной пантомимой», только она вылилась в юбилейные сольные спектакли. Не знаю, была ли эта дама в те дни в зале... А вообще с сожалением должен констатировать, что, несмотря на древнюю природу пантомимы, на удачные опыты таких прославленных деятелей театрального искусства, как Мейерхольд, как Таиров, пробывавших себя в этом жанре, на удачу зарубежных художников, у нас пантомиму в разные годы и на разных уровнях старались не замечать. Ее окрестили, представьте, «пришлым искусством», «импортным», «заграничным».

Ярлык пропагандиста чуждого искусства долго висел на мне. Пришлось обстоятельно пояснять, доказывать, что не я придумал этот образ, что современная пантомима имеет народные истоки, ну и т. д., и т. п. Однако покусывали меня за белую маску еще долго, и приходилось белить лицо только на гастролях за рубежом — в Англии, Австрии, Новой Зеландии.

Более того, сама техника мима тоже вызвала возражения: защитники «школы переживания» по Станиславскому доказывали несовместимость пантомимы с мастерством актера. «Вирус» пантомимы изгонялся из театральных вузов, само слово произносилось в театрах шепотом. И тогда бедную «Золушку» приютила эстрада.

— Неужели важно, под какой крышей или под чьей эгидой существовать пантомиме! Главное — чтобы ее замечали, признавали и помогали ее процветанию!

— Не скажите: эстрада взяла от пантомимы только развлекательную сторону. Она популяризирует этот жанр, но зашорив его в узкие рамки номера в концерте, и таким образом «законсервировала» пантомиму еще в зародыше.

Сегодня она живет и самостоятельно (не говоря о зарубежных примерах, можно назвать наши театры и ансамбли в Минске, Каунасе, Тбилиси), приходит на помощь балету, драме. После удачного выступления на сцене Театра пантомимы Ладислава Фиалки в Праге я загорелся мечтой создать такой театр в Москве.

— Насколько я осведомлена, пока этого театра нет в столице. А что является тормозом!

— Не считите за грубость — бюрократизм и еще полнейшее равнодушие, безразличие ко всему. Сами судите: началась моя многолетняя переписка с Москонцертом, с Главным управлением культуры исполкома Моссовета, с другими учреждениями. Можно составить многотомное издание — своего рода наглядное пособие по изучению бюрократического стиля. Документы, письма плавали между организациями, ставились весьма туманные визы — ни «да», ни «нет» — нечто среднее и весьма расплывчатое. И все в замедленном темпе, пока бумаги не устаревали, пока не сменялись руководящие работники, и все возвращалось на круги своя, начиналось заново. Так шли годы. И по сей день ничего не решено. Это касается театра, но и в своем личном творчестве я постоянно ощущаю дискриминацию.

— Вы не сгущаете краски, Анатолий Александрович! Какая дискриминация, если вы так часто заняты в концертах, ездите по стране, выступаете

в Москве, гастролируете за рубежом! А только что состоявшийся Международный фестиваль в Бельгии, в городе Гента — Неделя советской пантомимы, где вы, судя по прессе, имели такой успех! Вы преподаете пантомиму в ГИТИСе. И студия у вас есть, хоть и самодеятельная, но все же работа с молодежью. И результаты есть этой работы — программа, которую я с огромным удовольствием смотрела на днях: первое отделение — ваше, чудесные миниатюры из «Молодого», второе — студентов и студийцев. Помоему, в слишком мрачных тонах рисуется вам действительность. Право же, не так все плохо!

— Это видимое благополучие. Пантомима, формально получившая статус самостоятельного искусства, находится все же «вне закона», без точки опоры. В чем это сказывается? Если бы вы знали, с каким трудом я пробиваю свои вечера — сольные программы. В одном из кабинетов моего «родного Москонцерта» мне просто заявили: «У нас концертная организация, а вы тут со своими спектаклями». Вот и все! Откровенно — творчество никого не интересует. Дают участвовать в конвейере концертного обслуживания, и говори «спасибо», радуйся! А то, что сборные программы мешают осуществлению творческих планов и из имеющихся 40 миниатюр ты можешь играть пять, от силы шесть, — кому до этого дело? Кого волнует, что нет стимула и даже возможностей для творческого поиска, для роста мастерства, для обновления репертуара? Вы говорите — занятия в ГИТИСе, студия. К сожалению, и здесь свои очень серьезные «но»: я счастлив, что веду курс пантомимы, однако веду его не по специальному профилю, а у «речевиков» — это совсем другое. Со студией тоже не все «слава богу» — нет помещения ни для репетиций, ни для спектаклей — все случайно и одноразово. Вот и смотрите, сгущаю ли я краски.

Горько слышать подобное от незаурядного мастера. Будучи на его вечере, я вновь убедилась, какой он яркий актер, как владеет труднейшим искусством пантомимы. Каждый номер — комедийные или гротесковые «Хирург», «Концерт», «Картина»; психологически углубленные, философские «Звонарь», «Ноша»; социально-сатирический «Суд» — мини-театр.

Почему же артист, признанный, можно сказать, мимом международного класса, оказался неустроенным, вне интересов организации, отвечающей за него, за его творческую судьбу, успехи? Почему не реализуется и десятая доля его планов по созданию новых программ, спектаклей? Да сколько еще всяких «почему»?

Я понимаю, что титул, звание не делают артиста талантливей, так же, как отсутствие оных не может умалить, принизить талант. Но как ни печально, для того, чтобы добиться чего-то, «пробить» решение вопроса, чтобы заставить начальников слушать, слышать и соглашаться, титулы и звания и сегодня необходимы.

А может быть, Анатолию Александровичу Елизарову наконец-то так повезет, что и в его родной организации подует свежий ветер перемен и свежими глазами посмотрят на человека скромного (излишне!), тихого (чрезмерно!), бессловесного (по привычке!), но заслужившего своим талантом быть замеченным и отмеченным. В наши дни во все справедливое, праведное очень хочется верить!

М. ИГНАТЬЕВА.

● Анатолий Елизаров на сцене.

Фото С. Срымova-Марьям.

